

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2019, №4, Том 10 / 2019, No 4, Vol 10 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2019.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/02KLSK419.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Казакова Е.А. Искусство как поле диалога культур (по материалам русской, дагестанской и чечено-ингушской поэтических традиций первой половины XIX века) // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №4, <https://sfk-mn.ru/PDF/02KLSK419.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Kazakova E.A. (2019). Art as a field of cultures' dialogue (based on Russian, Dagestan and Chechen-Ingush poetic traditions of the first half of the XIX century). *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 4(10). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/02KLSK419.pdf> (in Russian)

УДК 008

ГРНТИ 13.09

Казакова Елена Александровна

ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»

Фиалил в г. Нижнем Тагиле, Нижний Тагил, Россия

Старший преподаватель кафедры «Гуманитарных и социально-экономических наук»

E-mail: alenant@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7712-3541>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=795930

Искусство как поле диалога культур (по материалам русской, дагестанской и чечено-ингушской поэтических традиций первой половины XIX века)

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения коммуникативных потенциалов искусства. Пристальное внимание уделяется рассмотрению других форм духовной культуры (религия, наука) с точки зрения их готовности и открытости для фиксации и познания Другого. В своей работе автор показал, что искусство является наиболее подходящей и предпочтительной сферой для диалога культур, особенно в условиях военного конфликта. Сравнивая представленные формы духовной культуры, автор приходит к выводу, что свобода искусства, его открытость Другому, стремление внести гармонию во всегда драматичный жизненный мир делают его феноменом, максимально открытым для осуществления диалога. Пристальное внимание уделено описанию и анализу русско-кавказских поэтических связей первой половины XIX века в контексте диалогического взаимодействия. Автор выделяет три компонента романтического образа Кавказа: географический, традиционный и конфессиональный. Кавказские образы России, с одной стороны, более однозначны в своих трактовках. Другой здесь предстает как враг. С другой стороны, искусство зафиксировало и иной аспект образа Другого. Другой здесь подобен "своему" и вынужден испытывать на себе драматизм военного времени. Обращение к российско-кавказским отношениям представляется перспективным, актуальным и своевременным, поскольку способствует формированию поликультурного климата в нашей стране и регионе, а также способствует росту взаимопонимания и уважения между народами и культурами.

Ключевые слова: искусство; Другой; инаковый; образ России; образ Кавказа; диалог культур; культура диалога культур

Актуальность

Случившаяся в первой половине XIX века встреча с Другим, представленным кавказским миром, продемонстрировала важность этого Другого для дальнейших процессов познания «своего». Однако социокультурный контекст этой встречи в XIX веке во многом определил восприятие Кавказа в русле военного нарратива, принципиально монологичного по своей сути. Северный Кавказ и сегодня, и во времена Российской империи априорно воспринимался и продолжает восприниматься как конфликтный регион, состояние войны для которого есть некая норма, часть повседневности. После произошедших в 1990-е г. Чеченских войн проблема культурных взаимоотношений России и Северного Кавказа обострилась как никогда раньше. Исторически не просто складывающиеся отношения России и Кавказа, по всей видимости, требуют своего пересмотра и трансформации от конфликтности к продуктивному взаимодействию. В этой связи представляется весьма актуальным, во-первых, поиск средств для самопознания, и, во-вторых, каналов для налаживания продуктивного взаимодействия с Другим. Искусство в этом смысле (и художественная литература, в частности) представляется наиболее адекватным феноменом для культурного диалога с Другим.

Методы

Методологической основой выступает комплексный междисциплинарный подход, использование которого продиктовано необходимостью целостного и многоаспектного осмысления проблемы образности Другого в контексте процессов межкультурных взаимодействий.

Основными методами исследования в работе выступили:

- историко-культурный, который позволяет изучить проблему контекстуально, сообразно историческим реалиям существования исследуемого культурного явления; выявить совокупность причинно-следственных связей в процессах формирования образов Другого;
- постнеклассический метод исследования проблемы диалогового взаимодействия, рассматривающий диалог вариативно;
- герменевтический метод, используемый для интерпретации образов России и Кавказа.

Результаты

Спектр ответов на вопрос о сущности, специфике, формах диалога весьма широк. Современное социально-гуманитарное знание накопило огромный опыт исследования проблемы диалога культур: от признания факта невозможности осуществления столь непростого варианта межкультурных взаимодействий, идеи его неприятия и отвержения до построения целых философских систем, основанных на сведении культуры к диалогу. Подобный разброс мнений и идей относительно данной проблематики, очевидная полярность высказываемых суждений говорит, во-первых, о сложности теоретического анализа данного феномена культуры, и, во-вторых, о необходимости прибегнуть к исследованию реального диалога. Диалогические концепции культуры и её динамики сегодня дополняются попытками обнаружить реальное пространство разворачивающихся взаимодействий, выявить и проанализировать так называемую «культуру диалога культур», понимаемую как способы,

принципы, формы его существования. Как справедливо отмечает А.А. Гусейнов¹, «помимо того, что есть разные культуры, есть взаимоотношение между ними, есть и само пространство диалога», которое, как представляется, может быть представлено весьма разнообразно: от конкретных топосов современной социокультурной реальности (пространство супермаркетов, аэропортов, корпораций) до наиболее классических, устоявшихся культурных форм (наука, религия, искусство и др.). Целью данной статьи является анализ искусства (поэтических традиций) как поля диалогового взаимодействия культур.

Культура диалога культур как устойчивый концепт современной гуманитарной мысли нашёл своё теоретическое обоснование в теории И.М. Меликова [1], заключающего, по мнению автора, в своей основе три фундаментальные идеи: (1) идея культуры как поля взаимодействия; (2) идея целесообразности культур; (3) идея единства многообразия культур. Пограничность любой культуры, сосуществование в ней различных национальных, этнических, языковых традиций, многообразия форм и видов не вызывает сомнений. «Культура вся расположена на границе» – заключает М.М. Бахтин [2]. Онтологическая идея единства многообразия мира является, по сути, первопричиной взаимодействия как такового. Камертоном же, настраивающим различные формы культуры на процесс взаимодействия, выступает заявленная автором идея целесообразности. Каждая культурная форма предполагает цель своего существования, которая должна быть признаваема не только её непосредственными носителями, но и иными культурными традициями. Степень же принятия инаковости, безусловно, культурно дифференцирована.

Претензия на истину – единственно верную, правильную и непреложную – в рамках религиозных систем, очевидно, делает религию феноменом более ограниченным и закрытым в деле осуществления взаимодействий. Религия совершенно не снимает проявление тех национальных стереотипов, которые, по сути, и мешают налаживанию продуктивного межкультурного взаимодействия, особенно с учётом современных глобализационных процессов. Даже, будучи отнесённой к какой-либо мировой религии, вера, по большому счёту, всегда остаётся локальной. Религия как образование догматическое и ставшее не способна живо, эмоционально реагировать на сиюминутность проявлений человеческого бытия, акцентируясь на вечности. На это способно только искусство как феномен рискованный, свободный, позволяющий себе быть разным, «пересматривая бытующие духовные стереотипы, выбирать и сомневаться в абсолютности найденных ответов» [3]. Вопрос о целесообразности искусства как феномена культуры также не может быть решён однозначно и декларативно.

Ницшеанская идея о нужности искусства человеку выражена в его фразе: «Искусство нам дано, чтобы не умереть от истины». Никакая наука не может дать подлинного знания о жизни человеческого духа. Искусство же не просто способно предоставить человеку максимально приближенную к гуманитарному пониманию истину, но в состоянии сделать это ненавязчиво и свободно. Со-человечность искусства, педалируемая в исследованиях Д.С. Лихачёва, делает его феноменом, затрагивающим самые глубинные, быть может, потаённые стороны и струны человеческой души.

Искусство есть не просто знание души человеческой, но и средство её усложнения, возвращения многогранности. Именно в художественной реальности, как ни в какой другой, реализуется возможность ухода от одностороннего взгляда на мир, предоставляющая множество вариантов, плюрализм возможностей для преодоления чуждости и экзотичности Другого. Подобную душевную восприимчивость В.В. Кандинский связывал именно со сферой

¹ Культура диалога культур: постановка и грани проблемы / отв. ред. И.М. Меликов, А.А. Гезалов. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2016. – С. 8.

искусства как областью, способной научить душу «откликаться и выбрировать» [4], не давать ей закаменеть.

Вхождение территорий Северного Кавказа в состав Российской империи в середине XIX века явилось важнейшим фактором, обострившим проблему инаковости и отношения к Другому. Длительная Кавказская война, продолжавшаяся по разным оценкам историков более полувека, во многом определила вектор дружости, сместив его в русло военного нарратива. Война как обыденность кавказских реалий ещё долгое время будет выступать своеобразным камертоном, по которому настраивали своё отношение к Кавказу многие поколения. Однако более чем пятидесятилетняя история военного конфликта на Кавказе не могла уничтожить желание человека жить, пусть и в таких непростых обстоятельствах. Это сложное время было временем не только военных действий, но и «временем обоюдного узнавания, формирования и расширения каналов мирного общения» [5]. Мир жесток и ужасен, тотально монологичен, всегда «сорван с петель и стоит вверх ногами» [6]. Искусство же помогает найти в этом драматизме равновесие, учит человека «любить жизнь и прощать её» [6], оставляя за ней право быть разной.

Узнавание возникшей инаковости для российских реалий первой половины XIX века было возможно в рамках первых научных попыток изучения экзотического мира Кавказа и его жителей, а также художественного осмысления Другого. Однако научная мысль о Кавказе этого времени «не изобилует широкомасштабными исследованиями. Основной интерес учёных сосредотачивается на описании (а не анализе) социально-политических особенностей горской жизни, обосновании отсталости и неразвитости кавказских форм общественного устройства» [7] и, как следствие, абсолютной значимости цивилизационной миссии Российской империи. Научные изыскания того времени сухо зафиксировали данность кавказского мира: традиционализм, синкретичность, не самодостаточность. Искусство же в лице русских поэтов первой половины XIX века стремится защитить этот топос, разглядев в этих характеристиках витально важное, то, в чём нуждался ищущий дух поэтов-декабристов. Взгляд этих людей был чрезвычайно важен, т. к. именно поэты явились проводниками случившегося взаимодействия, осуществляемого помимо и вопреки официальных властных структур, а потому более свободного и живого, не давшего этой встрече «закаменеть и превратиться в неподвижный Ум, в чистую Рациональность» [8].

Романтизм как художественный метод видения и познания реалий того времени, безусловно, определяет вектор образности Другого в русской поэтической традиции. Однако, заслугой поэтов можно считать попытку дифференцировать инвариантный, возвышенно-экзотичный романтический образ Кавказа, по меньшей мере в трёх плоскостях: (1) Кавказ географический; (2) Кавказ традиционный; (3) Кавказ конфессиональный [9]. Кавказ пленяет русских романтиков принципиально иной географической нагрузкой: он горный, величественный, а потому мистически привлекательный для русского человека, привыкшего к равнинности и плоскостности. Очарование горного пейзажа для русского дворянина выражалось, прежде всего, в его отличности от привычного, понятного, тривиального и осмысленного. Горы во многом являлись воплощением «мятежа природы против унылой упорядоченности» [10] и косности «своего». Отсюда, с одной стороны, творческое сознание поэтов-романтиков рисует яркие образы «окаменелых гигантов», «гранитных великанов», «громов», «престолов природы». С другой же стороны, всё тот же горный ландшафт именуется в художественных произведениях не иначе как «грозовые скалы», «мрачные скалы», «пустынные хребты», «дикие ущелья» и т. д. Очевидно, что Кавказ географический и манит, и страшит одновременно, преломляясь в сознании Художников-романтиков как «экзотичный, колоритный, подлинный и лишённый нарочитой искусственности мир, далёкий, но притягательный топос, говорящий на языке предельности человеческих чувств и состояний» [11].

Географическая канва образности Кавказа подспудно дополняется в произведениях русских классиков описаниями традиций и обычаев народов, проживающих в данном регионе. Говорить о состоявшейся этнографической рефлексии, безусловно, не приходится. Но искусство и не стремилось к аналитичности и сухому рационализму при фиксации данных явлений горской жизни. Гораздо важнее для поэтов было показать данный аспект инаковости Другого, максимально выпукло продемонстрировать его отличность от «своего», понятного и обжитого, ещё раз подчеркнув, таким образом, экзотичность, особую вольность – Кавказ как «царство благородных разбойников»² – и не испорченность кавказского мира, живущего от века по древним традициям и обычаям. В поэме М.Ю. Лермонтова «Хаджи-абрек» художественно запечатлён обычай кровной мести. Отказ вершить суд над канлы представлен в проведении А.С. Пушкина «Тазит». Тазит отпускает убийцу своего брата. Благородство главного героя, осуждаемое Гасубом (очевидно, являющимся олицетворением традиционного начала, живущего по неизменным «дедовским обычаям»), при всём романтическом контексте повествования, есть попытка искусства быть разным, рискованным и смелым в своих репрезентациях. Древний феномен абречества нашёл своё художественное воплощение в «Братьях-разбойниках» А.С. Пушкина и «Хаджи-Абреке» М.Ю. Лермонтова. И в этом случае поэты стремятся заговорить с читателем не только от имени архаичных и, порой, жестоких традиций кавказского мира, но с позиции общечеловеческой морали и её универсалий. Раскаianie одного из братьев в убийстве старика является всё той же попыткой гармонизировать драматизм этого мира средствами искусства, говоря с ним с позиции гуманизма.

Заслугой русских поэтов-романтиков можно считать и художественное преломление исламского вероучения, выраженное в фиксации конфессионального аспекта образности Кавказа. В условиях ограниченности знаний об исламе, отсутствия его всестороннего теоретического изучения в рамках академической научной традиции, вектор другости, закладываемый поэтами относительно этой религии, был принципиально важен. Научная традиция XVIII – первой половины XIX вв. рассматривала ислам как фактор конфронтации, ведущий к «формированию образов “вечных врагов” – мусульман и христиан»³. Прагматичный и утилитарный интерес к данной религии, способный пролить свет на специфику «внутреннего устройства, вооружённых сил, экономических отношений» [12], свойственных мусульманским странам, очевидно, не мог удовлетворить творческого сознания поэтов-романтиков. Первые переводы источника исламского вероучения на русский язык – Корана – заложили основу для более глубокой заинтересованности в этом инаковом, однако «академическое изучение восточных языков во второй половине XVIII века в России ещё не получило развитие» [13]. К тому же даже имеющиеся работы об исламе и мусульманах XVIII – первой половине XIX века не отличались объективностью и были наполнены распространёнными стереотипными представлениями об этой религии. Ислам оставался чем-то принципиально инаковым, чуждым и враждебным русской христианской культуре, вынужденной формироваться и сосуществовать с такого рода аномальностью. Именно поэтому ракурс, в котором представал ислам в творчестве русских поэтов, был принципиально важен для читающего русского общества.

Русские поэты предпринимают попытку приоткрыть религиозную канву исламского вероучения для русской публики, познакомить её с основными догмами и канонами ислама, подчерпнутыми из Корана. Такими сюжетами наполнены произведения А.Г. Ротчева «Подражания Корану», А.С. Пушкина «Подражания Корану», «Пророк», Я.П. Полонского «Из Корана», П.П. Манассеина «Ад и Рай Магомедов», М.Ю. Лермонтова «Валерик», «Хаджи-абрек» и др. Ислам же выступает удобным средством художественного выражения близких

² Северный Кавказ в составе Российской империи – М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 320.

³ Взаимопроникновение культур: Коран в русской поэзии / [авт.-сост. Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко; отв. ред. М.П. Мчедлов]. – М.: Наука, 2006. – С. 4.

поэтам декабристам идей свободы и справедливости, зашоренности и косности сознания религиозного человека. Таковые содержатся в произведениях А.С. Пушкина и А.Г. Ротчева «Подражания Корану», А.И. Полежаева «Чир-Юрт» и «Иман-козёл». Ислам как религия строгая, более жёсткая и непримиримая, рассматривающая человека как «зависящее от бога существо, постоянно нуждающееся в его руководстве» [7], выбран поэтами не случайно. Так Художники, средствами эстетического выражения, демонстрируют, что подобная покорность выступает удобным инструментом для манипулирования сознанием человека. Очевидно, что религия как таковая сковывает сознание человека, безотносительно какой-либо конфессии. «Восстань, боязливый!» – отмечает А.С. Пушкин, и это, видимо, касается не только мусульман.

Находясь в русле романтического видения, образ Кавказа, созданный русскими поэтами, всё же претендует на вариативность и разноаспектность. Художникам во многом удалось выйти за рамки официальной государственной имперской идеологии с её снисходительным принятием Другого, безусловно, нуждающимся в окультуривании. Возможность для такого взгляда заложена в самой природе искусства как «упражнения в человечности» [14], способного сомневаться в устойчивости стереотипов, не совпадать с ними и быть разным. Возникшие образы «немилых, но подобных» горцев (А.И. Полежаев) как раз иллюстрируют эту идею.

Ответность, характеризующая диалог как форму межкультурных взаимодействий, нашла своё воплощение в художественных репрезентациях образа России, представленных в фольклорной традиции, а также первых национально-поэтических произведениях кавказского региона первой половины XIX века. Выбор поэтического эмпирического материала обусловлен, во-первых, географией основных событий Кавказской войны, «развернувшихся на территории Северного и Среднего Нагорного Дагестана и Чечни и, во-вторых, наличием письменных арабоязычных поэтических источников дагестанских авторов (И. Казак, Х.-М. ас-Сугури, А. Хаджи-Сугури, М.-Т. аль-Карахи, Е. Эмин), дополненных фольклорными произведениями чеченского и ингушского этносов» [7].

Психологической заинтересованности в Другом, выраженном российским присутствием в регионе, со стороны кавказских поэтов не ощущалось. Психологизм уступает место политическому, военному нарративу при формировании вектора инаковости. Мотивами восхищения миром «своего», до российского присутствия, наполнены произведения И. Казака (Где вы, дни без невзгод, где вы, дни без тревог, / Тяжко будет нам, братья, в руках палачей... [15]. Боль, скорбь по утраченным идеалам вольности, разрушенному привычному образу жизни читается в работе М.-Т. Аль-Карахи. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. Не было здесь и попыток создать опозитивированный образ христианства и христиан, ограничившись лишь только констатацией весьма распространённых стереотипов о них, таких, как «неправедные», «неверные», «безбожники», «враги ислама», «несправедливые» и т. д. (Х.-М. ас-Сугури. Три имама или Век-Давитель, Г.-М. аль-Гимрави «Клич к газавату»). Примечательно, что кавказские авторы, в отличие от русских классиков, «переносят и в сферу художественного навеянные военными действиями в регионе негативные образы «чужого», экстраполируя политические притязания России на её конфессиональные особенности» [7]. Беспристрастности, личного, индивидуализированного взгляда, безусловно, не достаёт этим произведениям. Политическая вовлечённость и конъюнктурность кавказского «ответа» во многом была связана с особой близостью названных авторов шамилевскому режиму. Действительно, биографические сведения, к примеру, Х.-М. Ас-Сугури указывают на его причастность имамату – «он был муфтием в имамате Шамиля»⁴, Абдурахман Хаджи-Сугури –

⁴ Арабоязычная литература Дагестана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sogratl.net/publ/md/Book/Skazania_01.pdf (дата обращения 06.03.19).

«одним из идеологов имама Шамиля»⁴, Аль-Карахи Мухаммед-Тахир числился секретарём в канцелярии имама.

Первичность реакции в отношении возникшего Другого, отсутствие каких-либо иных культурных механизмов осмысления его присутствия в топосе «своего» породили особую эмоциональность его фиксации и истолкования. Не просто эмоциональность и чувственность как непрменные характеристики художественно-эстетического восприятия, но граничащие с укоренёнными, мифологическими свойствами Другого характеристики. Такое настороженное, лишённое романтического видения отношение к нему, по всей видимости, не могли породить более разнообразных и неоднозначных трактовок образности России. Если Кавказ для России был необходим как мир, способный на фоне и по контрасту высветить, выражаясь словами Г.Д. Гачева, «особую лишность русского человека», душу которого даже там «солнце не отогреет» (А.И. Одоевский), то Россия для Кавказа выступила важнейшим, хоть и первоначально отторгающим, фактором самопознания, акцентировавшим внимание на правильности, нормальности традиционного, архаичного «своего», в отличие от упорядоченного, но искусственного Другого. Искусство, в этом смысле, действительно, есть дитя своего времени, своеобразное «зеркало» культуры, вглядываясь и отражаясь в котором, культура познаёт, изучает себя.

Длившаяся более пятидесяти лет Кавказская война явилась не просто одним из затяжных военных конфликтов в истории Российской империи, но и временем «обоюдного узнавания». Искусство, очевидно, содействовало открытию инаковости. Вместе с политизированными, полными официоза и пафоса героизма в кавказской художественной мысли начинают появляться более «тонкие» произведения, фиксирующие образность России в ином ключе: как стороны, вынужденной участвовать в военной кампании, не меньше, чем кавказский мир, ощущающей всю её тщетность и губительность. В этих произведениях уже есть место индивидуализму и психологизму. Более того, за диссонансами военных действий, на фоне которых разворачиваются контакты, художественная образность «обнаруживает пересекающиеся человеческие судьбы, человеческое общение, вытеснившее профанную модель кавказского мира как врождённо агрессивного» [16]. К примеру, чеченская песня и сказание «Ахмад Автуринский» рассказывает о том, как перед сражением станичный казак предлагает чеченскому юноше – участнику Кавказской войны – свою дружбу: «И, обнявшись крепко, / Кунаками стали два героя наших»⁵. Героизм в данном случае есть понимание тщетности и ненужности продолжения военного контекста взаимодействия двух миров, осознание необходимости присутствия Другого для развития «своего».

Дружба представителей двух враждующих в реальности миров воспевается в песнях-сказаниях «Эли, сын Умаров из Акки», «О русском и чеченском юношах», «где русский молодец отбивает у царских властей горца, помогает своему чеченскому другу в его женитьбе» [17]. Кумыкская народная песня «Бий и казак» рассказывает о случившейся дружбе представителей двух разных миров, идиллию которой нарушает не война, а любовь к одной и той же девушке.

Таким образом, значение художественного общения двух миров, находящихся в тотально монологичном нарративе военных действий, сложно переоценить. Искусство в целом, являясь феноменом более свободным, рискованным и смелым, способно было подняться над устойчивыми этнокультурными стереотипами о Другом, сделав инаковость интересной и притягательной. Художественная литература (и поэтическая традиция, в частности) предприняли попытки показать возникшего Другого в контексте глубинных, смысложизненных установок каждого из миров. И русские поэты, и кавказские авторы,

⁵ Песни народов Северного Кавказа. Ленинград, 1976. С. 431.

создавая первые поэтические произведения, фиксирующие образ Другого, в реалиях, деформированных военными событиями, тем не менее подспудно вглядываются вглубь себя, пытаясь понять устои и ценности собственного мира, возвращая, развивая и усложняя душу собственную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меликов, И.М. Философские основания культуры диалога культур / И.М. Меликов // Культура диалога культур: постановка и грани проблемы / отв. ред. И.М. Меликов, А.А. Гезалов. – М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2016. С. 10–18.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. Кривцун, О.А. Мера человеческого в искусстве: исторические модификации / О.А. Кривцун // Человек. – 2014. – № 3. – С. 47–65.
4. Кандинский В.В. О духовном в искусстве / В.В. Кандинский. – М.: Издательство «Э», 2018. – 160 с.
5. Урушадзе, А.Т. Кавказ: взаимодействие культур (конец XVIII – середина XIX вв.): монография / А.Т. Урушадзе. – Ростов-на-Дону.: Издательство Южного федерального университета, 2016. – 280 с.
6. Кривцун, О.А. Мера человеческого в искусстве: исторические модификации / О.А. Кривцун // Человек. – 2014. – № 4. – С. 57–82.
7. Казакова, Е.А. Сравнительный анализ русских образов Кавказа и кавказских образов России первой половины XIX века / Е.А. Казакова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. – 2015. – №1 (51): в 2-х ч. Ч. II. – С. 80–87.
8. Коломиец, Г.Г. О роли искусства в контексте диалога культур // Г.Г. Коломиец // Диалог культур в условиях глобализации: XI Междунар. Лихачевские науч. чтения 12–13 мая 2011 г. / Российская академия наук [и др.]. – Санкт-Петербург, 2011. – Т. 1. Доклады. – С. 330–332.
9. Казакова, Е.А. Взаимодействие России и Кавказа в ракурсе культурологического подхода: роль поэтической традиции в познании Другого / Е.А. Казакова // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых ученых. Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов (Грозный, 26–27 апреля 2019 г.). Материалы круглого стола «Стратегии духовной безопасности в условиях глобальных вызовов и рисков: экофилософский подход». – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – С. 187–191.
10. Гордин, Я.А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность / Я.А. Гордин. – СПб.: ЗАО «Журнал “Звезда”», 2008. – 288 с.
11. E. Kazakova, N. Mochalova, A. Oleshkova Mythologeme as a mechanism of translation for historical memory // 1st International Scientific Practical Conference "The Individual and Society in the Modern Geopolitical Environment" (ISMGE 2019). Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 331. P. 319–323.

12. Батунский, М.А. Россия и ислам: в 3 т. [Электронный ресурс] / М.А. Батунский. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – Т.2. – Режим доступа: http://www.nnre.ru/istorija/rossija_i_islam_tom_2/index.php. (дата обращения: 14.03.19).
13. Гаврилов, Ю.А. Ислам и православно-мусульманские отношения в России в зеркале истории и социологии / Ю.А. Гаврилов, А.Г. Шевченко. – М.: Культурная революция, 2010. – 312 с.
14. Кривцун, О.А. Творческое сознание художника / О.А. Кривцун. – М.: Памятники исторической мысли, 2008. – 376 с.
15. Казак И. Гей, джигиты // Поэзия народов СССР XIX – начала XX века // Библиотека всемирной литературы. – М.: Художественная литература. 1977. – Серия вторая. Том 102. – 831 с.
16. Султанов К.К. «Сторонний» или «незнаемый»? Диалогизация как структурно-семантический принцип в «кавказских текстах» Л Толстого / Литературная классика в диалоге культур. Выпуск 3. – М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 49–76.
17. Ибрагимова, З.Х. Царское прошлое чеченцев: наука и культура / З.Х. Ибрагимова. – М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009. – 700 с.

Kazakova Elena Aleksandrovna

Russian state professional-pedagogical university
Nizhny Tagil branch, Nizhny Tagil, Russia
E-mail: alenant@yandex.ru

Art as a field of cultures' dialogue (based on Russian, Dagestan and Chechen-Ingush poetic traditions of the first half of the XIX century)

Abstract. The article is devoted to the problem of art's communicative potentials. A careful account is given to the consideration of other spiritual cultures' forms (religion, science), in terms of their readiness and openness for fixation and cognition of the Other. In his work the author showed that art is the most appropriate and preferred sphere for the cultures' dialogue, especially in the context of a military conflict. To compare these spiritual cultures' forms the author comes to a conclusion that freedom of art, its openness to the Other, the desire to bring harmony to the always dramatic world, makes it a phenomenon that is as open as possible for the realization of dialogue. Much attention is given to description and analysis of the Russian-Caucasian poetic relations of the first half of the XIX century in the context of dialogical interaction. The author identifies three components of the romantic Caucasus image: geographical, traditional and confessional. Caucasian images of Russia, on the one hand, are more unambiguous in their interpretations. The other here appears as the enemy. On the other hand, art has fixed another aspect of the Other's image. The Other here is like "his" and forced to experience the drama of wartime. The appeal to the Russian-Caucasian relations seems promising, relevant and timely, because it contributes to the formation of a multicultural climate in our country and the region, as well as contributes to the growth of mutual understanding and respect between peoples and cultures.

Keywords: art; another; different; the image of Russia; the image of the Caucasus; the dialogue of cultures; the culture of the dialogue's cultures

REFERENCES

1. Melikov I.M., ed. by I.M. Melikov, A.A. Gezalov (2016). *Filosofskie osnovaniya kul'tury dialoga kul'tur. [Philosophical foundations of a culture of dialogue of cultures.]* Moscow: Canon + ROOI "Rehabilitation", pp. 10–18.
2. Bakhtin M.M. (1986). *Ehstetika slovesnogo tvorchestva. [Aesthetics of verbal creativity.]* Moscow: Art, p. 445.
3. Krivtsun O.A. (2014). The measure of the human in art: historical modifications. *Man*, 3, pp. 47–65 (in Russian).
4. Kandinskiy V.V. (2018). *O dukhovnom v iskusstve. [About spiritual in art.]* Moscow: Publishing House "E", p. 160.
5. Urushadze A.T. (2016). *Kavkaz: vzaimodeystvie kul'tur (konets XVIII – seredina XIX vv.): monografiya. [Caucasus: the interaction of cultures (late XVIII – mid XIX centuries): monograph.]* Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University, p. 280.
6. Krivtsun O.A. (2014). The measure of the human in art: historical modifications. *Man*, 4, pp. 57–82 (in Russian).

7. Kazakova E.A. (2015). *Sravnitel'nyy analiz russkikh obrazov Kavkaza i kavkazskikh obrazov Rossii pervoy poloviny XIX veka. Chast' 2. [Comparative analysis of Russian images of the Caucasus and Caucasian images of Russia in the first half of the 19th century. Part 2.]* Tambov: Diploma, pp. 80–87.
8. Kolomiets G.G. (2011). *O roli iskusstva v kontekste dialoga kul'tur. Tom 1. [On the role of art in the context of dialogue of cultures. Volume 1.]* Saint Petersburg: the Russian Academy of Sciences, pp. 330–332.
9. Kazakova E.A. (2019). *Vzaimodeystvie Rossii i Kavkaza v rakurse kul'turologicheskogo podkhoda: rol' poeticheskoy traditsii v poznanii Drugogo. [Interaction between Russia and the Caucasus from the perspective of a culturological approach: the role of poetic tradition in cognition of the Other.]* Makhachkala: ALEF, pp. 187–191.
10. Gordin Ya.A. (2008). *Zachem Rossii nuzhen byl Kavkaz? Illyuzii i real'nost'. [Why did Russia need the Caucasus? Illusions and Reality.]* Saint Petersburg: CJSC Star Magazine, p. 288.
11. Kazakova E., Mochalova N., Oleshkova A. (2019). *Mythologeme as a mechanism of translation for historical memory. Volume 331*, pp. 319–323.
12. Batunskiy M.A. (2003). *Rossiya i islam: v 3 tomakh, Tom 2. [Russia and Islam: in 3 volumes, Volume 2.]* Moscow: Progress Tradition, [online]. Available at: http://www.nnre.ru/istorija/rossija_i_islam_tom_2/index.php (in Russian) [Accessed 14.03.19].
13. Gavrillov Yu.A., Shevchenko A.G. (2010). *Islam i pravoslavno-musul'manskie otnosheniya v Rossii v zerkale istorii i sotsiologii. [Islam and Orthodox-Muslim Relations in Russia in the Mirror of History and Sociology.]* Moscow: Cultural Revolution, p. 312.
14. Krivtsun O.A. (2008). *Tvorcheskoe soznanie khudozhnika. [Creative consciousness of the artist.]* Moscow: Monuments of historical thought, p. 376.
15. Kazak I. (1977). *Gey, dzhigity // Poehziya narodov SSSR XIX – nachala XX veka // Biblioteka vseмирnoy literatury. Tom 102. [Gay, dzhigits // Poetry of the peoples of the USSR XIX – beginning of XX century // Library of World Literature. Volume 102.]* Moscow: Fiction, p. 831.
16. Sultanov K.K. (2014). «Storonniy» ili «neznaemyy»? Dialogizatsiya kak strukturno-semanticheskiy printsip v «kavkazskikh tekstakh» L Tolstogo / Literaturnaya klassika v dialoge kul'tur. Vypusk 3. [“Third party” or “unknowable”? Dialogization as a structural-semantic principle in the “Caucasian texts” by Tolstoy / Literary classics in the dialogue of cultures. Issue 3.] Moscow: Institute of World Literature named after the Russian Academy of Sciences, pp. 49–76.
17. Ibragimova Z.Kh. (2009). *Tsarskoe proshloe chechentsev: nauka i kul'tura. [The royal past of the Chechens: science and culture.]* Moscow: SPACE-2000, p. 700.